

В.В. Шапошникова

Чичиков

Чичиков Павел Иванович — центральный персонаж поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», коллежский советник, господин «средней руки», видом не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод. В приемах своих Чичиков имел что-то солидное и вы-смаркивался чрезвычайно громко, при этом «нос его звучал, как труба». «Никогда не позволял он себе в речи неблагопристойного слова и оскорблялся всегда, если в словах других видел отсутствие должного уважения к чину или званию». В нем заметна чрезвычайная внимательность к своему туалету — он часто моется, глядится в зеркало, следит за приятностью выражения лица. Чичиков носит фрак брусничного цвета и шинель «на больших медведях». Говорит он не громко, не тихо, держит себя степенно. Правда, о себе Чичиков «избегал много говорить; если же говорил, то какими-то общими местами... что он незначущий червь мира сего... что испытал много на веку своем, претерпел на службе за правду...». У него красивая рессорная бричка, чемодан из белой кожи, несколько поистасканный. Из дорожных принадлежностей имелся еще ларчик или шкатулка красного дерева. Для любопытных читателей Гоголь описывает содержимое шкатулки: «<...> в самой середине мыльница, за мыльницею шесть-семь узеньких перегородок для бритв; потом квадратные закоулки для песочницы и чернильницы с выдолбленною между ними лодочкою для перьев, сургучей и всего, что подлиннее; потом всякие перегородки с крышечками и без крышечек для того, что покороче, наполненные билетами визитными, похоронными, театральными и другими, которые складывались на память. Весь верхний ящик со всеми перегородками вынимался, и под ним находилось пространство, занятое кипами бумаг в лист, потом следовал маленький потаенный ящик для денег, выдвигавшийся незаметно сбоку шкатулки. Он всегда так поспешно выдвигался и задвигался в ту же минуту хозяином, что наверно нельзя сказать, сколько было там денег».

Происхождение его «темно и скромно». Родители его были дворяне, но неизвестно, столбовые или личные; им принадлежала единственная крепостная семья с главой — маленьким горбунком, занимавшим почти все должности в доме. Павлуша лицом на родителей не походил.

«Жизнь при начале взглянула на него как-то кисло-неприятно, сквозь какое-то мутное, занесенное снегом окошко: ни друга, ни товарища в детстве!» Жили они с больным отцом (о матери, как и о других членах семьи, ничего не сообщается) в маленькой горенке, и строгий отец учил его грамоте, пребольно наказывая за шалости. От детства сохранились в памяти «вечное сиденье на лавке, с пером в руках, чернилами на пальцах и даже на губах, вечная пропись перед глазами: “не лги, послушествоуй старшим и носи добродетель в сердце”; вечный шарк и шлепанье по комнате хлопанцев, знакомый, но всегда суровый голос: “опять задурил!”»

Потом отец увез сына в город, и в глухом переулке, в стареньком домике у старушонки-родственницы, оставил его. Тут Павлуша должен был жить и ежедневно ходить в классы городского училища. При расставании отец не плакал, дал полтину меди на расход и лакомства и «умное наставление» о том, что прежде всего надо угождать начальникам, не водиться с товарищами (они добру не научат), а если водиться, то с теми, кто побогаче, не угощать никого и делать так, чтобы самого угощали, а больше всего беречь и копить копейку — «эта вещь надежнее всего на свете». Больше сын отца не видел, но его слова «заронились глубоко ему в душу».

«Особенных способностей к какой-нибудь науке в нем не оказалось; отличился он

больше прилежанием и опрятностью, но зато оказался в нем большой ум... со стороны практической». Товарищи его угощали, а он никогда; им же иногда он и продавал полученное угощение. «Еще ребенком он умел уже отказать себе во всем» — не тратил отцову полтину меди, наоборот, в тот же год сделал к ней «приращения». Слепив из воска и выкрасив снегиря, Чичиков продал его весьма удачно, потом спекулировал в классе купленным на рынке съестным. Два месяца он у себя на квартире дрессировал мышь и продал тоже очень выгодно. «Когда набралось денег до пяти рублей, он мешочек зашил и стал копить в другой».

В отношении к начальству он повел себя еще умнее. Учитель был большой любитель тишины и хорошего поведения и «терпеть не мог умных и острых мальчиков; ему казалось, что они непременно должны над ним смеяться». Павлуша сидел на лавке так смиренно, как никто, как бы ни щипали его сзади. После звонка он опрометью бросался к учителю и подавал ему треух, а потом старался попасться ему на дороге, беспрестанно снимая шапку. «Дело имело совершенный успех», а при окончании Чичиков получил аттестат и книгу с золотыми буквами «за примерное прилежание и благонадежное поведение».

В это время умер его отец. «В наследстве оказались четыре заношенные безвозвратно фуфайки, два старых сертука... и незначительная сумма денег». Чичиков продал домишко с землицей за тысячу рублей, а крепостную семью перевел в город, думая основаться в нем и заняться службой.

В это время учителя уволили из училища («за глупость или другую вину»), он запил, заболел, обнищал; ему помогли все бывшие ученики, кроме Чичикова, отделавшегося пятаком серебра, который товарищи ему тут же бросили со словами: «Эх ты, жила!» «Надул, сильно надул», — сказал о нем учитель и «закрыв лицо руками». «Нельзя, однако же, сказать, чтобы природа героя нашего была так сурова и черства и чувства его были до того притуплены, чтобы он не знал ни жалости, ни сострадания; он чувствовал и то и другое, он бы даже хотел помочь, но только, чтобы не заключалось это в значительной сумме...»

Скряжничества и скупости, привязанности к деньгам ради денег не было в Чичикове — «ему мерещилась впереди жизнь во всех довольствах»: экипажи, отлично устроенный дом, вкусные обеды — «вот что беспрерывно носилось в голове его». Он завидовал бывшему конторщику, ставшему богачом; «все, что ни отзывалось богатством и довольством, производило на него впечатление, непостижимое им самим».

После училища он с трудом (протекции у него не было) устроился в казенную палату на место с жалованьем 30–40 рублей в год. «...Самоотвержение, терпенье и ограничение нужд показал он неслыханное». Весь день Чичиков писал, не ходил домой, даже спал в канцелярских комнатах на столах, обедал подчас со сторожами и тем не менее был опрятен, порядочно одет, умел придать лицу приятное выражение и не употреблял крепких напитков, в отличие от других чиновников.

Престарелый повытчик, его начальник, был неприступен, никто никогда не видел улыбки на лице его, но Чичиков попробовал привлечь его расположение. Сначала он угождал ему во всяких мелочах: чинил ему перья, сметал с его стола песок и табак, завел новую тряпку для чернильницы, клал шапку перед уходом, чистил ему спину — но это не замечалось.

Узнав, что у него зрелая дочь (рябая, как и папенька), Чичиков с этой стороны решил вести приступ: в церкви становился против нее, чисто одетый, с накрахмаленной манишкой — «и дело возымело успех».

Повытчик пригласил его на чай, потом Чичиков переехал к нему в дом, сделался нужным человеком, с дочерью обращался как с невестой, повытчика звал папенькой и хлопотами начальника стал повытчиком. Сразу после этого он съехал от повытчика, со свадьбой дело замялось, однако же ласкового обращения с суровым повытчиком он

не изменил, «так что старый понытик, несмотря на вечную неподвижность и черствое равнодушие, всякий раз встряхивал головою и произносил себе под нос: «Надул, надул, чертов сын!»

Это был самый трудный порог, через который перешагнул он. С этих пор он стал человеком заметным, а с приятностью в оборотах и с бойкостью в делах он добыл одно «хлебное местечко», на этом месте он сумел повернуть в свою пользу даже преследования взятки: не брал их, но и не делал дела, и много проходило времени, пока проситель догадывался, что нужно дать и побольше, чем прежде, когда поборы брались открыто, «...черт бы побрал бескорыстие и чиновное благородство!., зато теперь нет взяточников...»

Скоро Чичиков пристроился в какую-то комиссию для построения какого-то казенного капитального строения и оказался одним из деятельнейших ее членов.

Шесть лет тянулось дело, а построен был только фундамент. Однако у всех членов комиссии очутилось по красивому дому. Только теперь стал отходить Чичиков от строгих законов воздержания, завел довольно хорошего повара, тонкие голландские рубашки, «...сукна купил он себе такого, какого не носила вся губерния, и с этих пор стал держаться более коричневых и красноватых цветов с искрою», приобрел отличную пару лошадей, завел обычай обтираться губкой, смоченной в одеколоне, покупал дорогое мыло, часто менял белье.

Вдруг прислали нового начальника, врага взятки, он обнаружил неурядицы, а Чичикова возненавидел насмерть. Однако со временем и этот генерал очутился в руках чиновников, которые нашли ключ к его характеру, и все сделались «страшными гонителями неправды», но Чичиков никаким образом не мог втереться в их ряды; единственное, что ему удалось сделать через генеральского секретаря, — уволиться, уничтожив запачканный послужной список. «Ну, что ж! — сказал Чичиков. — Зацепил — поволок, сорвалось — не спрашивай. Плачем горю не пособить, нужно дело делать». И вот решился он сызнова начать карьеру, вновь вооружиться терпением...»

Он переехал в другой город, переменял две-три низменные должности в короткое время и перешел наконец в службу при таможне, что давно составляло тайный предмет его помышлений, потому что много дорогих вещей видел он у таможенных чиновников. Служил он с рвением необыкновенным, находил запретный товар везде («у него просто было собачье чутье»), его честность и неподкупность были почти неестественны. «Даже начальство изъяснилось, что это был черт, а не человек: он отыскивал в колесах, дышлах, лошадиных ушах и невесть в каких местах <...> Его пытались подкупить сильное общество контрабандистов, но он согласился не сразу, а только получив в свое распоряжение «команду и неограниченное право производить всякие поиски».

В один год он мог получить то, чего не выиграл бы и в двадцать лет службы. В интересах дела он склонил и другого, пожилого уже чиновника, не устоявшего против соблазна, и сделка была заключена. Через границу была переправлена партия испанских баранов, которые под двойными тулупчиками пронесли на миллион брабантских кружев. После трех или четырех бараньих переходов через границу у обоих чиновников очутилось на четыреста тысяч капиталу, у Чичикова, может быть, даже больше пятисот. Предприятие это могло бы принести миллионные прибыли, если бы чиновники не поссорились за обидное слово «попович», брошенное Чичиковым в пылу жаркого спора, а его противник не послал на Чичикова тайный донос. Впрочем, может быть, и не за обидное слово, а за свежую и крепкую «бабенку» поссорились они, но главное в том, что тайные сношения с контрабандистами сделались явными.

«Попович» и сам пропал, и упек своего товарища. Чиновников взяли под суд, конфисковали все, доносчик с горя запил, но Чичиков устоял. Он сумел затаить часть деньжонок, обработал дело так, что отставлен был не с таким бесчестьем, как товарищ, и увернулся от уголовного суда. Удержалось у него тысяч десять, дюжины две голландских рубашек, небольшая бричка да два крепостных человека — кучер Селифан и лакей

Петрушка. «Вот какая громада бедствий обрушилась ему на голову! Это называл он: потерпеть по службе за правду».

Но в нем сказалась неодолимая сила характера: непостижимая его страсть не потухла. Он оправдывался тем, что приобретают все, а он несчастным не сделал никого. «Вновь съезжился он, вновь принялся вести трудную жизнь, вновь ограничил себя во всем, вновь из чистоты и приличного положения опустился в грязь и низменную жизнь. И в ожидании лучшего принужден был даже заняться званием поверенного... плохо уважаемым мелкою приказною тварью и даже самими доверителями...»

В этой должности ему досталось однажды поручение похлопотать о заложении в опекунский совет нескольких сот крестьян. Имение было расстроено до последней степени, половина крестьян вымерла, о чем Чичиков предупредил секретаря. Секретарь же не считал это препятствием — ведь по ревизской сказке они значатся.

И тут Чичикова «осенила мысль». «Эх я Аким-простота, — сказал он сам в себе, — ищу рукавиц, а обе за поясом! Да накупи я всех этих, которые вымерли, пока еще не подавали новых ревизских сказок, приобрети их, положим, тысячу, да, положим, опекунский совет даст по двести рублей на душу: вот уж двести тысяч капиталу! А теперь же время удобное, недавно была эпидемия, народу вымерло, слава Богу, немало». Да и помещики промотались, имения брошены, управляются как попало, и всякий уступит умерших крестьян, чтобы не платить за них подушный налог. Однако без земли нельзя ни купить, ни заложить, и Чичиков придумал покупать на вывоз, потому что земли в Таврической и Херсонской губерниях отдаются даром, только заселяй. Переселение можно сделать законным образом, как следует по судам. Для освидетельствования крестьян следует запастись свидетельством за подписью капитана-исправника. Деревню можно назвать Чичикова слободка или сельцо Павловское по имени владельца. Под видом избрания места для жительства и под другими предложениями он решил заглянуть в те места, которые более других пострадали от несчастных случаев, неурожаев, смертностей. Он не обращался наобум ко всякому помещику, но действовал осторожно: старался прежде познакомиться, расположить к себе, чтобы более дружбою, чем покупкою, приобрести мужиков.

Приехав в город NN, Чичиков расспросил трактирного слугу, кто в городе губернатор, кто председатель палаты, кто прокурор, узнал о значительных помещиках, разузнал, не было ли каких болезней в их крае. На следующий день Чичиков делал визиты всем городским сановникам, причем в разговорах с ними умел искусно польстить каждому.

О цели своего приезда в город Чичиков сказал, что ищет место для жительства. На губернаторской вечеринке он очень внимательно глядел на танцующих, разделял их в уме на тонких и толстых (вторые казались ему основательнее) и наконец присоединился к толстым. Познакомившись с помещиками Маниловым и Собакевичем и будучи приглашен навестить их, Чичиков тут же осведомился о новых знакомых у председателя палаты и почтмейстера, причем более интересовался состоянием имений, чем именами.

На следующий день на вечеринке у полицеймейстера он познакомился с помещиком Ноздревым, затем был в гостях у всех городских чиновников. Чичиков везде показал себя опытным светским человеком: он умел поддержать всякий разговор: «...шла ли речь о лошадином заводе, он говорил и о лошадином заводе... трактовали ли касательно следствия, произведенного казенною палатою, — он показал, что ему небезызвестны и судейские проделки; было ли рассуждение о бильярдной игре — и в бильярдной игре не давал он промаха; говорили ли о добродетели, и о добродетели рассуждал он очень хорошо, даже со слезами на глазах...» В результате все чиновники отозвались о нем как о порядочном, благонамеренном, дельном, ученом, почтенном, любезном, обходительнейшем, «преприятном человеке».

И в разговоре с Маниловым Чичиков обходителен, приятен, рассыпается в любезностях и хозяину дома, и городским чиновникам, заметив, что Манилов отзывается о них

хорошо. Чичиков и хозяин так долго уступали друг другу честь первыми войти в дверь, что «наконец оба... вошли в дверь боком и несколько притиснули друг друга». Чичиков с готовностью подхватывает мысль Манилова о приятности сельского уединения с другом, искажая при этом русскую поговорку — «Не имей денег, имей хороших людей для обращения». Себя в разговоре с Маниловым он именуется «ничтожным человеком». Услышав, что сына Манилова зовут Фемистоклос, он справился с недоумением, тотчас поспешив привести лицо в обыкновенное положение.

Начиная разговор о мертвых душах, Чичиков «неизвестно отчего оглянулся назад», и этот жест опасения и неуверенности повторил и хозяин. Стремясь объяснить Манилову мотивы своей покупки, Чичиков даже покраснел от напряжения выразить то, что не было покорно речам. Он споткнулся на первом же предложении, но потом оправился, и лицо его приняло степенное выражение.

Чичикову легко удалось убедить Манилова в том, что их предприятие не будет несоответствующим «гражданским постановлениям и дальнейшим видам России». Когда Чичиков узнал, что Манилов дарит ему души, он так сильно повернулся в креслах, что лопнула шерстяная материя, обтягивающая подушку. Он наговорил Манилову столько благодарностей, что тот смешался. Сам же Чичиков, вспомнив о том, что он претерпел в жизни, «какого горя <...> вкусил», отер платком слезу. При прощании Чичиков, положив руку на сердце, сказал: «Здесь пребудет приятность времени, проведенного с вами! И поверьте, не было бы для меня большего блаженства, как жить с вами если не в одном доме, то по крайней мере в самом ближайшем соседстве».

По дороге от Манилова Чичиков так был погружен и телом и душой в свои приятные расчеты, что не заметил, как они заблудились и попали не к Собакевичу, куда ехал Чичиков, а к Коробочке. Однако он сумел так расположить служанку Коробочки, объяснив, что он дворянин, одернувши Селифана, обронившего что-то про «темное, нехорошее время», в которое они приехали, что их пустили переночевать. Утром, внимательно изучив вид из окна, он понял, что деревня Коробочки «немаленькая», и тут же решил познакомиться с хозяйкой покороче. В разговоре с хозяйкой, несмотря на ласковый тон, он совсем не церемонится: «Нет, матушка <...>, чай не заседатель, а так ездим по своим делишкам», «Уступите-ка их мне, Настасья Петровна!», «Да что ж пенька? Помилуйте, я вас прошу совсем о другом, а вы мне пеньку суετε! Пенька пенькою, в другой раз приеду, заберу и пеньку». Не в силах выдерживать непонятливость Коробочки, Чичиков хватил стулом об пол и посулил ей черта. Но подействовало другое — Чичиков прилгнул, что он и казенные подряды ведет и скупает по деревням продукты. После совершения сделки он обещал приехать за свиным салом и птичьими перьями.

В трактире при встрече с Ноздревым Чичиков в угодность ему пощупал уши и нос краденого щенка, согласился ехать в гости к новому знакомому, сообразив, что тот проигрался, да и даром у него можно что-то выпросить.

Во время обеда у Ноздрева внимательный и осторожный Чичиков заметил, что хозяин наливал больше гостям, чем себе, и поэтому выплескивал из стакана в тарелку, как только Ноздрев заговаривался. О своем главном предмете Чичиков не хотел говорить при зяте Ноздрева и предложил Ноздреву не задерживать его. Озабоченный своей целью, он прикинулся, будто не слышит, что Ноздрев предложил партию в карты. Чичиков выдвигал разные причины покупки мертвых душ — для приобретения веса в обществе, для жеманства, но ничему не поверил Ноздрев. Карты в его руках, как заметил Чичиков, были подозрительные, и Чичиков очень решительно отказался играть в карты и пить. Он очень досадовал на свою неосторожность, «бранил себя за то, что заговорил с ним о деле, поступил неосторожно, как ребенок, как дурак: ибо дело совсем не такого рода, чтобы быть вверену Ноздреву... Ноздрев человек-дрянь, Ноздрев может наврать, прибавить, распустил черт знает что, выйдут еще какие-нибудь сплетни — нехорошо, нехорошо. «Просто дурак я», — говорил он сам себе». Наутро Чичиков все же согласился сыграть

в шашки на души. Но и тут он заметил плутовство Ноздрева и решительно смешал шашки. Когда же Чичиков понял, что Ноздрев хочет перейти к физическому воздействию, он стал бледен как полотно, губы его от страха шевелились без звука. Слуги вырвали из его рук стул, которым Чичиков хотел защищаться, и уже Ноздрев замахнулся чубуком... И если бы не приезд капитана-исправника с сообщением, что Ноздрев находится под судом, Чичикову пришлось бы худо. И долго еще по дороге к Собакевичу Чичиков ругал Ноздрева, «даже и нехорошими словами».

В дороге заезавшийся кучер столкнулся с коляской шестериком, в которой Чичиков заметил рядом с пожилой дамой прекрасную блондинку. Забыв обо всем, Чичиков залюбовался ею — так все в девушке было мило. Он пытался несколько раз заговорить с ней, но безуспешно. Будучи «осмотрительно-охлажденного характера», Чичиков стал размышлять, что же привлекло его в молоденькой незнакомке? «Хорошо то, что она сейчас только, как видно, выпущена из какого-нибудь пансиона или института, что в ней, как говорится, нет еще ничего бабьего, то есть именно того, что у них есть самого неприятного. Она теперь как дитя, все в ней просто, она скажет, что ей вздумается, засмеется, где захочет засмеяться. Из нее все можно сделать, она может быть чудо, а может выйти и дрянь, и выдет дрянь! Вот пусть-ка только за нее примутся теперь маменьки и тетушки». Он задумался, кто может быть ее отец, и решил, что если этой девушке придать двести тысяч капитала, то мог бы выйти «очень, очень лакомый кусочек», и даже стал досадовать на себя, зачем не разузнал, кто такие были проезжающие.

У Собакевича Чичиков повел себя вначале так же, как у Манилова, одобрительно отзываясь о знакомых чиновниках, но быстро понял, что продолжать в этом духе не стоит, ибо хозяин ни о ком положительно не отзывался. Несмотря на это, Чичиков, однако же, мягко настоял на том, что обед у губернатора был хорош. О своем деле он повел речь издали — от состояния «всего русского государства и отозвался с большою похвалою об его пространстве, сказал, что даже самая древняя римская монархия не была так велика, и иностранцы справедливо удивляются... И что по существующим положениям этого государства, в славе которому нет равного, ревизские души, окончивши жизненное поприще, числятся, однако ж, до подачи новой ревизской сказки наравне с живыми, чтоб таким образом не обременить присутственные места множеством мелочных и бесполезных справок и не увеличить сложность и без того уже весьма сложного государственного механизма... <...> и что, однако же, при всей справедливости этой меры она бывает отчасти тягостна для многих владельцев, обязывая их вносить подати так, как бы за живой предмет, и что он, чувствуя уважение личное к нему, готов бы даже отчасти принять на себя эту действительно тяжелую обязанность. Насчет главного предмета Чичиков выразился очень осторожно: никак не назвал души умершими, а только несуществующими». Цена, назначенная Собакевичем («по сту рублей за штуку»), повергла Чичикова в изумление, и, про себя называя его «кулаком», «собакой», Чичиков продолжал упорно торговаться. Решив добиться от Собакевича уступки в цене, он обещает ему, что купит у других, но Собакевич отвечает угрозой (можно ведь донести на покупателя мертвых душ), за что Чичиков, опять же про себя, назвал его «подлецом», однако же не поддался и купил по два с полтиной. Распрощавшись с Собакевичем, Чичиков из осторожности поехал к Плюшкину такой дорогой, чтоб не увидал «подлец».

Увидев на дворе усадьбы Плюшкина какую-то фигуру — не то мужик, не то баба — и приняв ее за ключницу, он обратился к ней так же, как к служанке Коробочки — «матушка». Уяснив себе, что «матушка» и есть хозяин, Чичиков долго не мог начать речи. Чичикову «случалось видеть немало всякого рода людей... но такого он еще не видывал». Уже несколько минут стоял Плюшкин, не говоря ни слова, а Чичиков все еще не мог начать разговора, развлеченный как видом самого хозяина, так и всего, что было в его комнате. Долго не мог он придумать, в каких бы словах изъяснить причину своего посещения. Он уже хотел было выразиться в таком духе, что, наслышавшись о его

добродетели и редких свойствах души его, почел долгом принести лично дань уважения, но спохватился и почувствовал, что это слишком. Искося бросив еще один взгляд на все, что было в комнате, он почувствовал, что слово «добродетель» и «редкие свойства души» можно с успехом заменить словами «экономия» и «порядок»... Сдержанность скоро изменила Чичикову: услышав об умерших ста двадцати душах, он воскликнул от удивления, но скоро справился со своей радостью и принес хозяину соболезнования, после чего легко было выдумать причину посещения и странного предложения. Уверив Плюшкина, что хочет помочь ему по причине доброй души старика, Чичиков за бесценок скупил у скряги мертвые и беглые души и взял на себя расходы по купчей. Чичиков уверил Плюшкина, что помогает он по причине «добродушия» старика и рад бы купить подороже: «Почтеннейший!.. Не только по сорока копеек, по пятисот рублей заплатил бы! с удовольствием заплатил бы, потому что вижу — почтенный, добрый старик терпит по причине собственного добродушия». Отказавшись от засиженного мухами «ликерчика» и заплесневелого сухаря, он обрадовал и этим хозяина. В дороге Чичиков пришел в самое приятное расположение духа, «был весел необыкновенно, посвистывал, наигрывал губами, приставивши ко рту кулак, как будто играл на трубе, и наконец затянул какую-то песню...»

В городе, у себя в трактире, когда Чичиков составил на всех купленных без малого четыреста крестьян купчие крепости, «какое-то странное, ему самому непонятное чувство овладело им» — подробности, записанные о крестьянах, придавали им удивительный «вид свежести» («казалось, как будто мужики еще вчера были живы»), и над списком Чичиков «умилился духом». Его посетили мысли о крестьянской жизни, ее богатстве и слабости, о трезвости и пьянстве, о мастерстве и нетерпении русского люда. «Максим Телятников, сапожник <...> Знаю, знаю тебя, голубчик; если хочешь, всю историю твою расскажу: учился ты у немца, который кормил вас всех вместе, бил ремнем по спине за неаккуратность и не выпускал на улицу повесничать, и был ты чудо, а не сапожник <...> И вот... завел ты лавчонку... достал где-то втридешева гнилушки кожи <...>, через две недели перелопались твои сапоги <...>, и ты пошел попивать да валяться по улицам...» Наконец истощились праздные мечтания, и, одумавшись, Чичиков назвал себя дураком, оторвавшимся от дела.

При оформлении купчей крепости в присутствии Чичиков показал себя знатоком канцелярских порядков — не открыл сути своего дела молодым любопытным чиновникам, понял намек Ивана Антоновича и аккуратно дал ему взятку.

В беседе с председателем, отвечая на поздравления с покупкой, Чичиков отвечал: «Да я вижу сам, что более благого дела не мог бы предпринять. Как бы то ни было, цель человека все еще не определена, если он не стал, наконец, твердой стопой на прочное основание, а не на какую-нибудь вольнодумную химеру юности». Тут он весьма кстати выбрал за либерализм, и поделом, всех молодых людей. Но замечательно, что в словах его была все какая-то нетвердость, как будто бы тут же сказал он сам себе: «Эх, брат, врешь ты, да еще и сильно!» Чичиков даже побаивался смотреть на лица Манилова и Собакевича, тоже оказавшихся в присутствии. Однако вскоре он оправился, упомянул про Херсонскую губернию, реку и пруд и даже проявил твердость, не набавив Ивану Антоновичу сверх беленькой ничего, а Собакевичу отказавшись назвать цену мертвой души у Плюшкина, попеняв ему за обман (в списке Собакевича оказалась и женщина). Однако, как ни рад был удачному оформлению покупок, он из осторожности долго не задерживался на вечеринке у полицеймейстера, боясь в подпитии сболтнуть лишнего.

Чичиков пришелся по сердцу всем чиновникам в городе, а самое сильное впечатление он произвел на дам, возможно, потому, что прослыл за «миллионщика». От одной из них он получил анонимное послание, где было для него так много заманчивого и подстрекающего любопытство, что он решил явиться на бал к губернатору, где обещалась быть писавшая. Подготовка к балу он уделил самое серьезное внимание. «Целый час был

посвящен только на одно рассматривание лица в зеркале. Пробовалось сообщить ему множество разных выражений: то важное и степенное, то почтительное, но с некоторою улыбкою, то просто почтительное без улыбки; отпущено было в зеркало несколько поклонов в сопровождении неясных звуков, отчасти похожих на французские, хотя по-французски Чичиков не знал вовсе. Он сделал даже самому себе множество приятных сюрпризов, подмигнув бровью и губами и сделал кое-что даже языком; словом, мало ли чего не делаешь, оставшись один, чувствуя притом, что хорош, да к тому же будучи уверен, что никто не заглядывает в щелку. Наконец он слегка трепнул себя по подбородку, сказавши: «Ах ты, мордашка эдакой!»

На балу Чичиков пользовался всеобщим вниманием, а сам в это время чувствовал «ловкость необыкновенную» — раскланиваясь так свободно, что очаровывал всех. Желая узнать сочинительницу письма, Чичиков осматривал всех, непринужденно и ловко обменивался с дамами приятными словами. Дамы стали находить в его лице что-то марсовское и военное, и даже пошла невидимая борьба за место рядом с Чичиковым. Он хотел ловко ответить губернаторше на ее любезное обращение, но, повернувшись к ней и увидев во второй раз прекрасную блондинку, остановился, как «будто оглушенный ударом». Он смешался и сделался чужим всему происходящему: стал невнимателен, неучтив, робок, неловок, потому что видел одну только блондинку. Девушка эта оказалась дочерью губернаторши. Он почувствовал себя моложе, чуть-чуть не гусаром: занял стул возле них, развлекал барышню разговором, что совсем не понравилось другим дамам, пришедшим от этого в негодование. «Губернаторша, сказав два-три слова, наконец отошла с дочерью в другой конец залы к другим гостям, а Чичиков все еще стоял неподвижно на одном и том же месте... Он даже не смотрел на круги, производимые дамами, но беспрестанно подымался на цыпочки выглядывать поверх голов, куда бы могла забраться занимательная блондинка...»

Полупьяная болтовня Ноздрева о торговле мертвыми душами очень расстроила Чичикова, он старался развлечься, присел было к играющим в карты, но делал ошибки и за ужином «был похож на какого-то человека, уставшего или разбитого дальней дорогой, которому ничто не лезет на ум и который не в силах войти ни во что».

И дома «положение мыслей и духа его было <...> беспокойно». Он негодовал на балы — посреди неурожаев, за крестьянские оброки, за взятки; к тому же это нерусское по самому духу веселье, «точно грех какой сделал», но главное — «его огорчало сильно нерасположение тех самых, которых он не уважал и насчет которых отзывался резко, понося их суетность и наряды».

Случилось так, что в течение трех дней он не выходил из комнаты по причине флюса и небольшого воспаления в горле. Сберегая свое здоровье для будущих детей (очень частая дума Чичикова), он тщательно лечился. Он очень недоумевал, почему за все время болезни его никто не навестил, хотя раньше гостей было множество. Причина перемены отношения к Чичикову в обществе заключалась в том, что приезд Коробочки, пожелавшей осведомиться, не продешевила ли она, продав Чичикову мертвые души, породил в городе самые фантастические слухи; и дамы с усердием переносили их из дома в дом. Выздоровев, он поехал с визитом к губернатору, имея в виду увидеть и блондинку, но его не приняли; председатель палаты очень смутился, все другие также или не принимали, или смущались.

Как во сне бродил Чичиков по городу, недоумевая, что могло случиться, но приезд к нему Ноздрева совершенно прояснил дело: Чичикова приняли за фальшивомонетчика, разбойника и шпиона, вдобавок стремившегося увести губернаторскую дочку. «В продолжение всей болтовни Ноздрева Чичиков протирает несколько раз себе глаза, желая увериться, не во сне ли он все это слышит. Делатель фальшивых ассигнаций, увоз губернаторской дочки, смерть прокурора, которой причиной будто бы он, приезд генерал-губернатора — все это навело на него порядочный испуг. “Ну, уж коли пошло на то, —

подумал он сам в себе, – так мешкать более нечего, нужно отсюда убираться поскорей”».

Однако же из-за нерасторопности Селифана отъезд Чичикова изрядно задержался, и Чичиков выехал намного позднее, чем рассчитывал. На одной из улиц бричка Чичикова была вынуждена остановиться, так как дорогу преградила похоронная процессия — хоронили того самого прокурора, который скоростижно скончался, испугавшись толков о злодейской деятельности Чичикова

Заканчивается рассказ о похождениях Чичикова в первом томе «Мертвых душ» авторским риторическим вопросом: «А кто из вас, полный христианского смирения, не гласно, а в тишине, один, в минуты уединенных бесед с самим собой, углубит вовнутрь собственной души сей тяжелый запрос: “А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?” Да, как бы не так! А вот пройди в это время мимо его какой-нибудь его же знакомый, имеющий чин ни слишком большой, ни слишком малый, он в ту же минуту толкнет под руку своего соседа и скажет ему, чуть не фыркнув от смеха: “Смотри, смотри, вон Чичиков, Чичиков пошел!”».